

История самого глубокого погружения Герберта Ницша

17 декабря 2015

Герберт Ницш первый и пока единственный среди ныряльщиков с задержкой дыхания, кто побывал на глубине 253 метра и вернулся живым. Всплытие фридайвера не задалось, в итоге Ницш оказался сначала в коме, а затем парализованным из-за настигшей его кессонной болезни. Прогноз врачей надежды не давал, да и сам Герберт чуть было не сдался. Мы попытались собрать воедино все имеющиеся данные о том случае и рассказать историю Герберта Ницша максимально близко к истине.

Коллеги-фридайверы шутя прозвали Герберта Ницша Киборгом. Фотограф Фил Симха, участник нашумевшего погружения на 253 м, сказал о Ницше: «Он будто персонаж клипа «Thriller» Майкла Джексона, не от мира сего». В 2013 году репортёр крупного французского журнала Стефан Эрмит попросил Фила устроить ему интервью с Ницшем. Фамилия журналиста в переводе с французского означает «затворник», однако затворником в этом случае оказался Герберт, в то время скрывающийся от прессы и любопытных взглядов. И всё же Филу удалось договориться о встрече, и в один прекрасный серёнький февральский вторник Стефан Эрмит приехал в Австрию, чтобы проверить, в нашем ли мире всё ещё живёт Герберт Ницш.

До той попытки Герберта 6 июня 2012 года, когда он отправился на глубину 253 метров, в подводный кратер вулкана Санторин, никто и никогда не проникал так далеко за грань морской поверхности, имея в запасе лишь собственные лёгкие, полные воздуха, и ни баллонов, ни дыхательного аппарата, ни батискафа. Но даже рекордсмену Ницшу не удалось вернуться невредимым на поверхность. Под водой, первый и единственный пока случай

во фридайвинге, с ним случился «наркозный блэкаут», вернее, он уснул, затем получил декомпрессионную болезнь тяжёлой степени, и оказался сначала в реанимации, а потом в инвалидном кресле-каталке и с нерадостным врачебным прогнозом.

Сложно сказать, есть ли место мистике в жизни Герберта Ницша. Выдавшая его в море, чемпионка мира по фридайвингу отзывалась о Герберте как о «самом мистическом и потусторонним из всех ныряльщиков». Фотограф Фил так и вовсе сравнил с оборотнем. А вот подруга Ницша Жаннет утверждает, что «мистика вовсе не про Ницша, он приземлённый и прагматичный». Да и от него самого за несколько недель до погружения многие слышали уверенные слова: «Всё предусмотрено, у нас в авиации всегда есть запасной «план Б». Смерть фридайвера или серьёзное увечье если и случается, то всегда оказывается результатом неразумных ошибок. Но я не романтик, я прагматик. Со мной ничего такого случиться не может». Так говорил Герберт... И говоря так, он ошибался.

Встреча с журналистом состоялась в центре Вены, в вегетарианском ресторане «Yamт». Там было красиво, хиппово — экологически чистые ростки редиса и прочую модную экзотику посетители набирали на вес в шведском столе в середине зала. Француз понимал, что Ницшу было трудно вернуться к общественной жизни, где публика ищет себе кумиров с рекордами, и где неизбежны оценивающие взгляды и сравнения. Да, Герберт долго не общался с прессой, остерегаясь лжи и ошибочных толкований в газетах. Позже он говорил: «Разговариваешь с журналистом, специализирующимся на фридайвинге, и видишь — не понимает он ни-че-го. Что уж говорить о сухопутных журналистах? Поэтому пришлось самому попытаться написать хотя бы о внешней стороне того погружения». А тогда, в начале 2013, редкие слухи о чемпионе создавали у публики впечатление пошатнувшегося гиганта на треснувшем фундаменте, впечатление инвалида, почти лишённого способности соображать, говорить и ходить. Однако он восстанавливался. Но до какой степени?

На венское интервью в 2013 году Герберт приехал на велосипеде. Выбритая до блеска голова, похудевшее лицо, и бородка-эспаньолка. Поначалу издали он показался утомлённым: сделает шаг, чуть подвиснет, будто сомневаясь, и лишь потом следующий шаг. Казалось, что правая сторона его тела словно упрямилась, будто отставала от всего Ницша. Пока он таким манером шёл к столику, репортёр собирался с духом, опасаясь разговора, — если такая походка, как же обстоят дела с речью? Но оказалось что с речью все в порядке: слова текли свободно, без напряжения, фразы выстраивались одна за другой. Напряжение спало и интервью началось. Герберт представил свою подругу Жаннет, — предупредительную и заметно влюблённую голландку. Всем троим как-то сразу стало легко и уютно.

Сходу начав разговор про море, Ницш на айфоне показал набросок мини-подводной лодки с человечком внутри. Примеряет на себя роль капитана Немо из Жюль Верна? Жаннет прокомментировала: «С непривычки Герберта и не поймёшь, у него от мечтаний до дела рукой подать». В Ницше ощущалась

энергия жизни. Вернувшись с того света, он жаждал новых впечатлений, пусть даже тело пока тормозило. Герберт подтверждал: «Я ещё не на 100 процентов восстановился, но ты ж знаешь байку, как в НАСА после взрыва шаттла говорили: «Где б нам найти ещё семерых космонавтов?»».

Шутка была в стиле прежнего Герберта-Киборга, говорили, он и раньше любил чёрный юмор. В соревновательном фридайвинге Ницш был практически непобедим: 32 мировых рекорда во всех дисциплинах, включая самые глубокие 214 метров на следе в 2007 году. Этот спокойный спортивного телосложения парень ростом 1 метр 86 с безмятежными глазами лётчика или моряка как раз и работал лётчиком в авиакомпании Tyrolean Air. Но однажды работы в небе ему стало мало.

Во фридайвинг Ницша привела авиация: в 2000 году на рейсе в Египет в отпуск авиакомпания потеряла его багаж с дайверским оборудованием. Пришлось нырять без акваланга, с задержкой дыхания, и на 30 метрах Герберта настигло озарение.

Жил и живёт Ницш в Вене, в Австрии, далеко от моря. И с самого начала увлечения нырянием, к удалённости от моря он отнёсся философски: «Нельзя быть первопроходцем, идя общепринятой дорожкой». Поэтому тренироваться Герберт начал сперва на суше, поначалу несерьёзно, и иной раз даже попросту на диване, просматривая комедийные сериалы и задерживая дыхание. Постепенно добавил тренировки на велосипеде и со штангой, создавая и совершенствуя основу для соревновательного фридайвинга. Сначала на бумаге, а после и на верстаке в гараже, из карбона и стекловолокна Ницшу пришлось самому построить себе слэд для погружения по тросу: «Фирма, взявшаяся выполнить заказ по моим чертежам, потратила деньги, но в итоге от работы отказалась, мол, конструкция невозможная к исполнению. Пришлось делать самим, вдвоём с товарищем. Работать с углеволокном мы учились по ходу дела, и получилось неплохо. Почему углеволокно? Слэд длиной 7 метров двигается в воде со скоростью 25 км в час, и гидродинамические нагрузки на конструкцию очень велики, а от слэда зависит моя жизнь. Поэтому требования к прочности и к надёжности были очень серьёзные. Пришлось создавать и всю механическую автоматику, на электронику в герметичном корпусе надеяться не хотелось из-за риска протечек воды при столь большом давлении. Все системы слэда были сдублированы. Так зачастую и погружаемся мы в изобретательство и технологии вдобавок к подводным погружениям». Ещё Герберт первый придумал необычную и очень простую систему хранения воздуха для выравнивания давления в ушах во время нырка: две пластиковые бутылки без донышек, склеенные горлышками в разные стороны. Нижняя пробка открыта,

верхняя горловина имеет трубку для соединения со ртом. В начале погружения Ницш «упаковывался» с 10 до 15 литров, малыми дозами проталкивая языком как поршнем добавочные к максимальному вдоху 5 литров воздуха в лёгкие, затем он останавливался на 12 или 15 метрах и выдыхал максимум воздуха в свои спаренные бутылки из-под Coca-Cola. Продолжая погружение, Ницш брал для продувки ушей воздух из бутылок по мере надобности.

Ницш и первопроходец и прагматик. Обычно он проводил дома и на суше подготовительные тренировки, потом брал пару недель отпуска, и ехал на глубокое озеро или на море и тренировался и пробовал установить рекорд. На месте для стороннего наблюдателя всё это иногда выглядело довольно чудно. Вот пример. Греческие острова Киклады. Небольшой арендованный катамаран. На борту катамарана устройство для быстрого погружения и всплытия по тросу, так называемый слэд (от английского слова «салазки»), выкрашенный в жёлтый цвет, одна из ранних версий. Правда, больше всего он похож на военную противокорабельную торпеду или, как ехидно выразился сам Ницш, на «свечку для большой задницы». Рядом ящик из розоватого дерева, откуда только что извлекли эту торпеду. Герберт в чёрной толстовке с накинутым на голову капюшоном напоминает киношного джедая. Капюшон не ради рисовки, а для перестраховочной защиты ушей от морского

ветра, ибо малейшая простуда делает ныряние затруднительным и небезопасным. С ним два товарища — добровольные помощники. Питер — инструктор подводного плавания, почитатель Ницша и умелец на все руки, и Макс — по профессии доктор-логопед, и по характеру изобретатель. Спать Ницш ложился поздно, ел многовато бутербродов с шоколадной пастой «Nutella» и решал одну за другой возникавшие загвоздки с помощью обоих подручных. В соседней деревне, порывшись в куче барахла, в лавке, так называемого, хозяйственного магазина, а по сути чуть ли не старьёвщика, они нашли кое-какие недостающие детали и надёжно присобачили к слэду дополнительное крылышко. Дело двигалось.

«Но это не такая уж была и самодельщина», — подытожил Ницш свой рассказ об испытании своего первого слэда. «Конечно, приходилось пользоваться подручными материалами, ведь глубинное ныряние дорогая затея. Особенно дорого обходится безопасность. Наш спорт ещё в самом начале своего развития. Поэтому приходится самому придумывать и самому же испытывать. Бюджет тех рекордных 253 метров — 250 тысяч евро, из них почти 100 тысяч меня в последний момент вынудили вынуть из своего кармана отказавшиеся от обещаний спонсоры» — добавил Герберт. День и час рекордного погружения настал 6 июня 2012 года. План-минимум дня в угоду американским спонсорам

был установлен в футах: 800 футов (243 метра). План-максимум - 1 тыс. футов (305 метров).

И тут так называемому Киборгу, а по сути самоотверженному человеку, первопроходцу, вознамерившемуся отодвинуть границы наших человеческих возможностей, был нанесён первый из сильных предательских ударов в спину. Где-то в своём застеклённом офисе некий безымянный бюрократ большой корпорации, живущей подковёрной и конкурентной борьбой, забыл о доброте и о смысле праведного труда, выпил свой утренний кофе и принял «стратегическое» решение: отменить данное Герберту согласие на спонсорский контракт. Потративший годы грамотных тренировок на совершенствование тела и духа, Ницш жил в неведении механизмов, противоречий и законов промышленного мира. Лётчик и спортсмен ценил честность и правду, но ограничивался ролью исполнителя в кабине больших дорогих самолётов, получая зарплату под защитой профсоюза пилотов. Расплата за простодушие наступила внезапно и не ко времени.

Фотограф Фил Симха рассказывал: «Накануне погружения, в десять часов вечера Герберт всё ещё орал в телефон, ругаясь с кем-то из-за своих спонсорских контрактов. Я практически вырвал трубку из его рук. Всё происходило в слишком нервной обстановке. Я стал высказывать сомнения, но Герберт уже принял решение. За пять дней до того, он погружался на 200 метров и вышел на поверхность лишь с небольшой травмой уха. Мы уже тогда спорили, но Герберт сказал что-то вроде: «Да не помру ж я в глубине!».

«Конечно, я был уверен, что всё получится, и все же нырять было нельзя. Это сейчас стало понятно, задним умом мы все крепки. Не надо было торопиться. К рекорду надо было идти медленно, постепенно. Больше тренировочных погружений нужно было. Спал я маловато накануне. Но думал: и чего? В крайнем случае порву барабанные перепонки. Ну, поболит немножко. Стоит рискнуть! Так мне казалось... Я обязан был быть спокойным, а был в стрессе, был взвинчен, взволнован до предела. Неправильно. Так не должно было быть». Это Герберт рассказывал французскому репортёру год спустя, когда всё уже случилось. А тогда? Тогда на кону стояли чужие деньги, была команда страхующих и обеспечивающих попытку, были зрители и журналисты и спонсоры, были взбудораженные знакомые, газеты, телевидение, публикации в СМИ, нетерпение... Процесс был запущен, и остановить его показалось невозможным.

В интервью Ницш без всякой досады и уязвлённого самолюбия открыто делился подробностями об организационных накладках: был нанят 16-метровый парусный катамаран, на нём жили 8 человек из команды обеспечения, ещё 4 находились на берегу. С катамарана был совершён нырок, на нём же базировалась команда обеспечения безопасности и аквалангисты двух киносъёмочных групп от спонсоров («Red Bull» и телепрограмма «60 minutes» американской студии CBS). Второе плавсредство, скорее напоминавшее автомобильный паром, чем корабль, для прессы и зрителей предоставили местные власти в день попытки. И тут, накладка: хотя чиновники предварительно разрешили использовать якорную стоянку, в последний день разрешение отменили. Но самая большая нервогрёпка была, конечно, со спонсорами: один из них накануне попытки, нарушив все обязательства, отказался подписывать договор и вынудил Ницша внести почти половину денег из своего кармана. По этой же причине, помимо нервогрёпки, совершенно недопустимой во фридайвинге, не удалось заполучить на борт переносную декомпрессионную камеру, отступив от продуманной системы безопасности, и добавив звено в цепочку дальнейших роковых случайностей. Тренировочные погружения глубже 100 м пришлось урезать, совершив их всего пять. Однако в полном объёме все же была отретирована система обеспечения безопасности, в т. ч. эвакуация на случай несчастного случая: Санторини — катер — самолёт — барокамера в Афинах. Наконец известная спортивная федерация фридайвинга («равнодушных и плохих» Ницш упоминает только обезличено) попала в коммерческий конфликт с одним из спонсоров. У федерации был договор с производителем глубиномеров. У Ницша договор был с другим производителем. Руководитель федерации пытался помочь, но договор со спонсором у федерации был подписан ещё до его избрания на эту должность, и ничего поделать было нельзя. Понервничав и посуетившись в последний момент, ничего второпях не придумав, Ницшу пришлось отказаться от присутствия представителей этой федерации. Вообще, спонсорского и рабочего оборудования было немало. Две камеры на слэде, наведённые на лицо и торс Ницша, ещё одна камера на конце спускового троса в глубине, две камеры на катамаране, глядящие на приготовления к погружению, и двое из страхующих водолазов тоже с камерами. Плюс две отдельные киношные команды от спонсоров, со своим съёмочным оборудованием. Куча мудрёного оборудования у независимой океанографической команды для контроля

глубины и профиля погружения. Два глубиномера на слэде, три глубиномера на запястье, три глубиномера на донном конце троса.

Само погружение и все сразу последовавшие устрашающие события известны несколько смутно. Ницш сказал так: «Я уж не знаю, что из воспоминаний отпечаталось изначально в моей памяти, а что я знаю по видеозаписям, которые многократно пересматривал позже». Сначала все шло отлично. Остановив тормозом слэд на 12 метрах, Ницш выдохнул сколько смог воздуха в свои спаренные бутылки от Coca-Cola, даже применил так называемую обратную упаковку, максимально опустошив лёгкие. Тем временем страхующие аквалангисты быстро и внимательно успели осмотреть слэд на предмет случайных неполадок. Обменявшись знаками с чемпионом, они дали добро, и 4-минутное погружение началось. Герберт закрыл глаза и слышал лишь высокочастотный свист несущегося по тросу слэда. Высота звука нарастала по мере разгона увлекаемого балластом обтекаемого снаряда. Все внимание спортсмена было в это время нацелено на выполнение продувок придаточных пазух и полости среднего уха при помощи регулярно забираемого в рот воздуха из бутылок, или как он полушутя называет их EQUEX от слов «вспомогательное устройство продувки».

Погружение столь стремительное, что продуваться поначалу приходилось два-три раза в секунду, т. е. непрерывно и как можно быстрее. Притом нельзя было допустить, чтобы часть забираемого из бутылок воздуха попадала в сжимающиеся внешним давлением до предела лёгкие. Если бы хоть одна продувка была пропущена, то давление заперло бы устья слуховых труб в носоглотке, и спортсмену пришлось бы остановить попытку. В районе глубины 180 метров, воздух в бутылках закончился, и Ницш почувствовал, что из трубки в рот пошла вода. Воздуха во рту хватило ещё метров на 20 выравнивания давления в ушах. Последний отрезок пути в плане продувки был рискованный: примерно с 200 до 253 метров продуваться было уже нечем. Риск порвать барабанные перепонки был, но не слишком большой, ведь в относительных величинах, сжатие воздуха за эти последние полсотни метров соответствовало нырку без продувки с нуля до 3 метров от поверхности. В ушах нарастала боль, но Ницш продолжил казавшееся бесконечным падение по тросу, надеясь, что барабанные перепонки выдержат. И вот раздался сильный звук удара и мощный толчок, частично погашенный амортизаторами слэда. Максимальная глубина была достигнута.

Устройство слэда таково, что удар сразу и полностью открывает вентили двух 20-литровых баллонов с давлением воздуха по 300 атмосфер в каждом. Без всякого редуктора, сжатый воздух с сильнейшим рёвом устремился в поплавки слэда, вытесняя оттуда морскую воду. «Звук был так силен, вибрация пробирала так, словно рядом заработал ракетный двигатель». Глубиномеры записали глубину в 253 метров и 20 сантиметров на уровне головы Ницша, его тело и большая часть слэда оказались чуть глубже, и затем начался подъем. Благодаря обтекаемой форме, слэд быстро разогнавшись до 25 км в час (7 метров в секунду), нёсся к поверхности моря. По ощущениям это похоже на скорость в 800 км в час в воздухе! Так как плотность воды в 1 тысячу раз больше плотности воздуха, и соотношения скоростей при одинаковом

сопротивлению среды равны корню квадратному, в этом случае, из 1000, значит, примерно в 30 раз скорость в воздухе была бы больше для достижения такого же сопротивления движению. Мы все высовывали руку из автомобиля и знаем, как упруг воздух при скорости автомобиля в 100 с небольшим км в час, парашютисты на соревнованиях по скоростному падению достигают 500 км в час (впрочем, фридайвер был защищён обтекателем следа от жёсткой силы водяных струй и завихрений). На глубине 100 метров автоматически сработал механический тормоз и дальнейший подъем замедлился. Пока все шло по плану. Далее предполагалось ещё сильнее затормозить всплытие, отстегнувшись и выбравшись из-под обтекателя, увеличив сопротивление движению за счёт нахождения рядом со следом, снаружи него. На глубине 10 метров предполагалось сделать и вовсе полную остановку для декомпрессии в течение 1 минуты (по-прежнему с задержкой дыхания). Но азотный наркоз вкупе с наркотическим действием углекислого газа, накопившегося в организме, усыпил Ницша на глубине 80 метров. На записи погружения мы можем видеть бессознательное, как неживая кукла, тело, бессильно болтающиеся по сторонам руки.

Ложная гипотеза обычного блэкаута от недостатка кислорода, пусть и дополнительно спровоцированного наркозом, обсуждалась и предпочиталась многими в течение всего последующего года. И лишь тщательный анализ видеозаписей все же заставил всех признать: перед нами первый зарегистрированный случай «наркотического засыпания» фридайвера (поэтому всё ещё под водой, перед поверхностью Герберт проснулся). С тех пор, вероятно, произошёл ещё один опубликованный случай подобного наркотического сна, впрочем, не столь глубокого: отключение самосознания француза Гийома Нери с самого начала его всплытия с незапланированных 139 метров на чемпионате мира в 2015 году. В интервью для franceapnee.com спортсмен говорит, что после разворота на 139 метрах он почти сразу же отключился, однако в этом своём состоянии Гийом каким-то образом смог добраться почти до самой поверхности, страхующие подхватили его уже на 15 метров глубины. Плыл ли французский фридайвер без сознания или находился в каком-то ином состоянии - это так и осталось невыясненным.

На глубине 10 метров след остановился автоматически. Страхующие аквалангисты, увидев, что Ницш без сознания, логично вообразили, будто он в блэкауте от недостатка кислорода, ибо иного не было известно у фридайверов, и начали быстро поднимать его на поверхность. Ницш ещё до поверхности пришёл в себя, хотя при гипоксическом блэкауте такого возврата сознания под водой не могло случиться, водолазы растерялись, но подняли-таки Ницша на борт катамарана. Ведь такого небывалого варианта никто из специалистов заранее предположить не смог, и слаженные действия не могли быть отретпетированы. В кадре мелькают руки спасателей, суета, сбивчивые фразы... Ницш требовал кислород для погружения вновь под воду для упущенной декомпрессии, уходили драгоценные секунды, кислород ему в суматохе не сразу нашли (хотя заранее было задумано сразу по всплытии отправить Ницша дышать кислородом на глубину 9 метров на 10 минут, для удаления из тканей растворенного в них азота). Наконец пострадавшего (так его назовём, ибо он уже начинал ощущать первые признаки декомпрессионной болезни) вернули

под воду на 9 метров, и он ждал там, держась за верёвку с грузом. Это уже была достаточно безнадёжная попытка хоть как-то уменьшить травматические последствия, хотя бы частично изобразить пропущенную декомпрессионную остановку, хотя бы частично растворить пузырьки азота, собиравшиеся током крови со всего организма и переносимые в мозг, закупоривая там сосуды, перекрывая питание и убивая нейроны в мозжечке, управляющим в частности волевыми движениями тела, равновесием, координацией движений глаз, речью... Именно в мозжечке и обнаружались в дальнейшем множественные очаги некроза, гибели нервной ткани. Пробыв на декомпрессионной позиции под водой вместо задуманных десяти минут, в три раза дольше, Ницш ощущал нарастающее головокружение, глаза уже почти ничего не различали.

Фотограф Фил вспоминал, как Ницш, показав знак «ок», ткнув себя пальцем в грудь, а затем указал на свою голову и скрестил предплечья в знак того, что здесь не всё гладко. Это немедленно запустило отлаженный заранее процесс эвакуации в Афины, в барокамеру. На скоростной надувной моторке «Зодиак» Герберта отвезли на берег, и далее в направлении его сомнительного будущего. Рядом с травмированным Ницшем был пожилой отец Герберта — Герхард, пожилой мужчина весь будто собрался в одну точку, взгляд его окаменел, ведь точно так же только двумя годами ранее, другой его сын умирал на его глазах, агонизируя в машине скорой помощи, пострадав в автокатастрофе.

8 дней в Афинах, барокамера, реанимационная палата, затем реабилитационный центр в больнице городка Мурнау в Германии, и больница в Вене... «Не работало ни-че-го!», — усмехался Ницш год спустя. «Лишь какой-то, случайно уцелевший, кусочек сознания соображал, что я перестал быть самим собой. Голова постоянно кружилась из-за непроизвольного непрерывного моргания глазами. Поначалу, будучи напичканным лекарствами, я не очень осознал своё состояние. А спустя несколько дней постепенного прояснения, даже пришлось позавидовать тем, кто повредился головой столь сильно, что не понимает в сколь плохом состоянии находится». Казалось, что половина тела просто отсоединена и отсутствует. Язык заплетался. Память ни кратковременная ни долговременная почти не работала.

Тут ещё один сокрушительный удар в спину нанесла по Герберту медицина. Иногда в Мурнау немецкие доктора, не предполагая, что Ницш все слышит и понимает, в его присутствии обсуждали несомненный прогноз: паралитик на всю жизнь, кресло-каталка. И случайно подслушанный врачебный приговор снова и снова звучал в сознании. Позднее, придя в себя, когда даже сидеть удавалось лишь держась рукой на поручень больничной кровати или кресла-каталки, Герберт однажды ночью, кое-как выкатившись на балкон больничной палаты, прикинул расстояние до земли: «Хотелось раз и навсегда закончить всю эту чепуху, но высота была слишком мала. Ладно, подумал я, подожду пока вернусь домой в Австрию». Там Герберт жил на 26 этаже. «А позже пришлось пообещать отцу, что я не умру... Тогда я решил, что должен прекратить слушать врачей и их пораженческие слова. Я их ненавижу. И в то же время я им благодарен».

Выбравшись из Германии в родную Вену, Герберт смог собрать последние силы и постепенно отказаться от смерти. Из-за многочисленных лечебных процедур, движение и жизнь постепенно захватывали его, мысли о самоубийстве стали отступать. От рядовых медиков тут не было поддержки, и медицинские книжки пришлось читать самому. Врачи, опутанные формальными правилами, упирались и не хотели обсуждать ничего. С трудом удавалось выпросить у них названия и назначение многочисленных таблеток. «Они упирались, но я настаивал. Реабилитационные медицинские протоколы не рассчитаны на упёртых фридайверов», — ухмыльнулся Ницш, — «и постепенно медики шли на уступки. Да и друзья помогали, принесли компьютер, приносили медицинские учебники, подкармливали меня домашней пищей, вместо отвратительной больничной еды... Кроме всего прочего, врачи не понимали и не хотели понимать, что спортсмены обладают очень чутким и подробным самоощущением своего тела. Это создаёт хорошую обратную связь», — считал Ницш, — «способствующую тонкой настройке восстановительных и лечебных мероприятий». Позднее с интересом отнёсся Ницш к американскому фильму о русском цирковом атлете Валентине Дикуле, видя в его выздоровлении свидетельство важности проприоцептивной тонкости восприятия.

Когда до больного допустили психолога, Ницш уже настолько оправился от предательского удара медицины, что смог посмеиваться: «От его сеансов я отказался наотрез после первой же встречи и до сих пор уверен, что уважаемый доктор был болён головой гораздо сильнее меня самого». Постепенно отказывался Ницш и от таблеток «выкидывал их в открытое окно, заодно тренируя координацию бросков». Здоровье улучшалось, «доктора по-прежнему верили, что дело в таблетках, я их «разочаровывать» не хотел». Память подводила, поэтому для самолечения Герберту приходилось составлять длинные списки очередных дел в ноутбуке и в смартфоне. Устанавливая там напоминки, он получал подсказки в нужное время, компенсировал так ослабевшую память. Хуже было с чтением медицинских книжек, тут даже чтобы составлять выписки, страницы приходилось перечитывать по несколько раз, ибо добравшись до конца страницы, он уже забывал, что там было в начале. Особую шутку память сыграла с Ницшем касательно любимой девушки. Однажды отец что-то от неё передал. «Кто такая? — удивился Герберт и подумал, — ого, у меня, оказывается, есть подруга. Интересно, какая она?!» Когда подруга пришла, он её не узнал совершенно. Прикольно было, — как будто знакомился с чудесной красоткой. Так она скрашивала его жизнь несколько недель, но потом не выдержала испытания «новым знакомством» и пропала.

Как когда-то для себя и для всего человечества, расширяя границы возможного, так и теперь Ницш выздоравливал сам и доказывал людям, что медицинский приговор иногда бывает ошибочным, и что нельзя отказываться от разумной борьбы. Спустя 2 месяца этой борьбы с болезнью и с медициной, Герберт восстановился настолько, что стал проситься домой на выходные. По идее, его должны были увозить и привозить родные, но он наловчился сам ездить за рулём, ведь это никто не контролировал. Реакция была чуть замедленная, но учитывая, какие отморозки попадают на дорогах, Ницш считал себя далеко не самым опасным водителем. Правда, однажды врачи

опомнились и посоветовались, не стоит ли обратиться в дорожную полицию и отнять права, но обошлось.

Наконец, после 4 месяцев лечения, ноги начали ходить и удалось заменить надоевшее кресло-каталку на ходунки. Ещё одна победа жизни и разума над обстоятельствами и глупостью и предательством была достигнута. На радостях Герберт привёз из дома велосипед и с помощью медсестры учился ездить на нём по территории больницы. И на следующие выходные уехал на велосипеде домой, проехав 10 километров и не упав ни разу. Эти маленькие победы на время заняли место прошлых подводных достижений.

Так, постепенно Ницшу удалось подняться. И хотя Киборг был всё ещё сильно повреждён, но уже вполне презентабелен. «Я был спортсменом и не хочу стать клиентом социальной поддержки инвалидов» — говорил Герберт. Нужно было выбираться из больницы. Он уехал оттуда сам, на своём велосипеде, на пятый месяц лечения. Ницш чувствовал, что больница и медицина подавляют его, лишают веры в себя. «Врачи, родные и друзья уговаривали меня побыть в больнице подольше, для моего же блага, но я уехал». Почему же, подобно тому как бизнес, призванный строить удобную и счастливую жизнь, часто калечит судьбы, так и медицина, призванная спасать, ненароком губит иногда пациента? Ницш неожиданно обнаружил, что современная медицина формально стандартизована и опутана финансовой и юридической ответственностью, что она не всегда может или часто забывает рассматривать способности организма самовосстанавливаться, что она ориентирована лишь на достаточно бездумное применение стандартных протоколов лечения и иногда на торговлю препаратами.

К примеру, изнурительные страдания нашему больному доставляли инфекции мочевого пузыря. Врачи утверждали, что он не опорожняется из-за паралича, и нужно-де применять катетер и много антибиотиков. От катетера и длительных курсов антибиотиков инфекции множилось, опорожнение ухудшалось, возникал замкнутый круг. Дома Ницш раздобыл портативный УЗИ-измеритель остаточной жидкости, и обнаружил что, хотя бизнесмены продали прибор медицине, никто не удосужился научить(ся) им правильно пользоваться. Измерения и, соответственно, диагноз, оказались ошибочным. И не врачи ошиблись, ошибалась медсестра, а доктора принимали её данные за чистую монету. Исключением катетера и антибиотиков эта очень болезненная проблема была моментально решена. Герберт рассказал об этом в интервью с чуть-чуть детской гордостью за свою очередную, важную в те дни победу.

Далее силы Ницша лишь прибывали, и его чёрные дни сменялись все более волшебным и сказочным счастьем. В начале 2013 года отец, Герхард Ницш повез сына в круиз по Полинезии на роскошном теплоходе с живописным названием «Поль Гоген». Острова Кука, Маркизские острова, Туамоту. Они насмотрелись восходов, городов, и людей. Герберт снова начал жить. Он вновь играл в воде с рыбами и с метрами глубины, тихо, не стремясь к результатам. Хандра исчезла, хотя изредка её рецидивы давали о себе знать.

«Однажды дождливым днём на островах Кука я пошёл понырять, риф там ещё был какой-то побитый. Вроде надо радоваться, но все время невольно и досадливо я сравнивал себя нынешнего с собою прежним. Нырнул было на 10 метров, и даже уши не смог продуть».

Круиз продолжал развлекать Герберта, он рыбачил, потом нырял во французской Полинезии, играл в воде со скатами-мантами, со временем погружаясь чуть глубже. Радовался и нырянию и жизни в плавучей шикарной гостинице. В это же время рядом с Гербертом появилась голландка Жанет Уолдмэн. Про своё знакомство они рассказали предельно кратко: «Очень весело вышло...».

Однажды, на «Поле Гогене» Ницша попросили выступить и организовали для него конференцию. Он храбро согласился и старался изо всех сил. Говорил неуверенно, а в конце слушатели, протянувшие ему блокноты за автографом, ушли ни с чем – правая сторона тела Ницша по-прежнему бездельничала: «Да, мало тренировал почерк, надо бы больше писать, но сейчас почти всё на компьютере, над клавиатурой карандаш держать не потренируешься».

После того круиза, следующим летом на острове Родос в Эгейском море Герберт снова нырял, а в 2014 году в Греции и на южном берегу Франции «тренировался уже взаправду и на настоящей глубине чувствовал себя отлично, как и до Санторини». Лишь на поверхности были ощутимы некоторые нарушения координации и равновесия, особенно в холодную пору. Жанет

добавила: «Герберт не хочет навсегда исключать возможность глубоких погружений, а пока продолжает путешествовать и читать лекции по всему миру, дописывает свою книгу и ныряет для съёмок и удовольствия.»

По ходу интервью, на экране айфона Ницш продолжал показывать картинки: после чертежа будущей подлодки, способной погрузить человека глубоко-глубоко, были картинки про корабль на энергии ветра и солнца, без привычных видов топлива.

«Несчастный случай или, скорее, инцидент лишь малость изменил курс моей жизни, но не остановил её». Как и большинство из нас, Герберт может расти над собой-сегодняшним: «Тот рекордный нырок завёл меня гораздо дальше, чем можно было вообразить. Дорога назад была трудной, и иногда казалась невозможной. Но ведь нельзя сдаваться. Дойдёшь, казалось бы, до предела, и в тупике оказывалась дверь, и тупик исчезал, и так много раз». Вероятно, фридайвинг учит и оптимизму и творческому мышлению, поэтому Ницш не хочет ничего исключать из своего будущего. А нам, сухопутным и смирившимся с рутинной и суетой, неясно, насколько реалистичны такие желания.

6 июня 2012 года на арендованном катамаране, который увозил Герберта Ницша к 253 метрам, над рабочим столом рядом с картами висел синий, очень синий брелок. Старинный символ-оберег, глаз морской медузы, тысячелетиями принятая у левантийцев и у народов средиземноморья защита от сглаза. Синий ли брелок, или навсегда изменившее Ницша, то первое погружение на 30 метров несмотря ни на что всё-таки сумели отвести беду от Герберта.

По материалам:

free-diving.ru/ru/История_самого_глубокого_погружения_Герберта_Ницша

[Статья Герберта Ницша и Жанет Уолдмэн о погружении - часть первая](#)

[Статья Герберта Ницша и Жанет Уолдмэн о погружении - часть вторая](#)

[Статья Стефана Эрмита «À bout de souffle»](#) в журнале L'Équipe Explore от 2013 года

Личные расспросы фридайверов и участников описываемых событий.

Переводили, выясняли подробности и превращали их в русскоязычный текст Андрей Тютрин и Галина Зверева.

Фотографии из личного архива Герберта Ницша